Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Легенда о швейцарском рае. 24. Иван Шишкин об Александре Каламе: «Калямка», но «величайший» | La légende du paradis suisse. 24. Ivan Shishkin sur Alexandre Calame : «le plus grand de tous

Author: Наталья Беглова, Женева , 14.05.2021.

И. И. Шишкин. Буковый лес в Швейцарии, 1863 г. (с) Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа.

|

Nous continuons la publication d’une série d’essayes de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de Nasha Gazeta, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 24. Ivan Shishkin sur Alexandre Calame : «le plus grand de tous

Выдающийся русский пейзажист Иван Иванович Шишкин (1832–1898) по примеру многих своих коллег-соотечественников не обошёл Швейцарию своим вниманием, хотя специально сюда не стремился. В 1861 году молодой художник в качестве «пенсионера» Академии предпочёл отправиться на стажировку в Мюнхен: немцы заинтересовали Шишкина главным образом их интересом к жанровой живописи. В тот период сам он, под влиянием Академии, тоже начал добавлять в свои пейзажи фигуры людей и животных. При этом следует отметить, что Шишкин весьма резко отзывался о многих работах даже признанных мастеров европейской живописи и, вообще, его коробило подобострастное отношение ко всему иностранному, которое

он наблюдал не только в среде художников, но и во всём российском обществе.

Оказавшись как-то в Берлине, Шишкин увидел несколько этюдов швейцарца Рудольфа Коллера, считавшегося в то время одним из лучших художников-анималистов. Они ему чрезвычайно понравились: «Сила его рисунка превосходит всех виденных мною художников этого рода. Живопись сильная, сочная, и окончательность доведена до последней степени». В итоге, прервав обучение в Германии, в конце февраля 1863 года Шишкин отправился к Коллеру в Цюрих и начал заниматься в его студии. В письмах к художнику Ивану Васильевичу Волковскому он восторженно отзывается о своём новом учителе: «Здесь мы уже начали писать с натуры, но теперь погода гадкая, она нас загнала опять в мастерскую Коллера — там я копирую коров. <…> А особенно как они написаны у Коллера — не больно расскачешься. Вот, кто хочет учиться животных писать, то поезжай прямо в Цюрих к Коллеру. Прелесть, я до сих пор не видывал и не думал, чтобы так можно писать коров и овец. А человек-то какой — просто прелесть. Вполне художник в душе и на деле».

И. И. Шишкин. Стадо под деревьями, 1864 г. (с) Государственная Третьяковская галерея, Москва

Цюрихский художник был очень требователен к ученикам, приходилось много работать, но молодого Шишкина это не пугало, и, по крайней мере, поначалу он полон энтузиазма: «Вот уже более месяца, как мы у Коллера, а сделали почти ничего, строг очень он к работе. Да и нашему брату, пейзажисту, есть чему поучиться — такие, брат, этюды, что ахти. Человеческие фигуры и этюды голые, так пишет, что наши академисты и понятия не имеют. <…> Да, брат, художник хороший — как посмотришь да подумаешь хорошенько, то так руки и опустятся, хоть и бросай всё».

Проучившись у Коллера до конца мая 1863 года, Шишкин уехал на лето в Бернский Оберланд, чтобы продолжить писать этюды. Однако в октябре он вновь вернулся в Цюрих, правда, с большой неохотой: «Я опять в (чёрт бы его побрал) Цюрихе», - пишет Иван Иванович в декабре тому же Волковскому. А в феврале 1864 года, в очередном письме к другу, сердито добавляет: «Цюрих проклятый».

И. И. Шишкин. Дубы, 1864 г. Этюд для картины «Вид в окрестностях Дюссельдорфа». (с) Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

В Цюрих Шишкин возвращается, чтобы продолжить учёбу у Коллера и «позаняться у него животными». В письме, направленном в Совет Академии (и ставшем своеобразным «отчётом» о заграничной стажировке), художник не жалеет слов для восхваления швейцарского мастера: «Коллер — личность совершенно у нас неизвестная… Сила его рисунка превосходит всех виденных мною художников этого рода. Живопись сильная, сочная, и оконченность доведена до последней степени; в каждом мазке его кисти видны строгое изучение и безграничная любовь к искусству. Как пейзажист замечателен он не менее, ибо глубоко понимает природу и передаёт её с той же прелестью, как и животных…»

На самом деле, ни Коллер, ни учёба в его мастерской уже не вызывают у Шишкина прежнего энтузиазма. В Цюрихе ему всё надоело, психологическое состояние у художника тяжёлое; он мечтает о возвращении на родину, но, связанный с Академией определёнными обязательствами, не может всё бросить и уехать: «Ах, эта заграница <…> много она испортит здоровой крови, ну да и не дай бог быть в зависимости от кого-нибудь, а тем более от нашей Академии. Так связывает по рукам и ногам, что просто беда», — пишет он Волковскому.

А. Калам. Пейзаж с дубами, 1859 г. (с) Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Конечно, дело не только в том, что заграничная жизнь надоела Ивану Ивановичу и в Цюрихе его «обуял сплин»: увы, Шишкин разочаровался в своём наставнике. Поначалу Рудольф Коллер привлёк российского художника своим вниманием к изображаемому предмету, мастерством рисунка. Однако вскоре Шишкин почувствовал неумение Коллера создать цельную, законченную картину. «Его

принцип в искусстве — не удаляться от этюда ни на шаг», - с осуждением отмечал молодой художник. Суждения его стали независимы, порой прямолинейны до резкости: «О боже, боже, какая тягость такое скверное положение, ни на что бы не смотреть… — жёстко пишет Шишкин о швейцарском мастере, которым так недавно восхищался, — …с профессором своим я тоже чуть не поругался, хотя он и хороший человек, а, по правде сказать, выскочка… И я теперь в мастерскую не хожу давно».

Перестав посещать занятия у Коллера, Шишкин в январе 1864 года отправляется к Каламу в Женеву, однако не застаёт его. Тогда он посещает Диде, учителя Калама, заходит ещё в несколько мастерских. Отзывы Шишкина о женевских художниках отнюдь не благосклонны: «На той неделе я был в Женеве и, вообрази, несчастье. Ехал собственно к Каламу, а он, его величество, изволил уехать в Италию, и, несмотря на весь мой натиск, попасть в мастерскую его не удалось, а был у Диде — пропасть хороших этюдов, а картины дрянь. Был ещё у некоторых живописчиков, такая, брат, дрянь».

И. И. Шишкин. Вид в окрестностях Дюссельдорфа, 1865 г. (с) Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

В годы обучения в Академии Шишкин весьма критично относился к Каламу, считая его пейзажи эффектными, но излишне декоративными, поэтому, в отличие от многих своих коллег, был скуп на похвалы и не считал полотна знаменитого женевца вершинами мастерства. Увидев одну его картину в Берлине, Шишкин записал в дневнике: «Калям очень плох». Между тем, узнав о смерти Калама в конце марта, Шишкин написал Волковскому: «Конечно, вы уже там знаете и оплакиваете величайшего из художников, Калама, он помер. Но ведь это так только, он для блезиру помер, а жить будет вечно. Великий художник был, теперь едва ли найдётся

подобный, хороших писак много, что и говорить, да таких воротил, как Калямка, нет и не будет… по крайней мере долго, долго… Чёрт знает, последнее время при его жизни все, и я в том числе, как-то забыли его и даже поругивали частенько, и теперь, как нет уже его более на свете, так он и воскрес в своих великих трудах. Теперь каждая его литография кажется ещё великолепнее, нежели прежде. Да, не скоро ещё наживёт мир себе такого туза…»

Безусловно, эти строки, хотя и написаны под влиянием момента, свидетельствуют о том, что Шишкин понимал истинную значимость Калама для европейской живописи. Да и сам он на раннем этапе своего творчества явно не избежал влияния швейцарского мастера. Если сравнить «Пейзаж с дубами» Калама и этюд «Дубы», написанный Шишкиным в Дюссельдорфе, то легко заметить, что похожи эти работы не только сюжетом, но и близостью живописной манеры. Добавим, что в 1865 году за картину «Вид в окрестностях Дюссельдорфа», заказанную известным коллекционером Николаем Дмитриевичем Быковым (1812–1884), Шишкин получил в России звание академика.

И. И. Шишкин. Швейцарский пейзаж, 1866 г. (с) Государственный музей изобразительных искусств Татарстана, Казань

В 1866 году Иван Иванович наконец вернулся на родину из затянувшейся заграничной стажировки. Занятия у известных европейских художников, в том числе у Коллера, не прошли даром: молодой Шишкин, несомненно, обрёл мастерство. Будучи в Цюрихе, он писал отнюдь не только «коров, овец и прочую скотину». Тонко чувствуя природу, российский художник, конечно, не мог остаться равнодушным к пейзажам Швейцарии. Свидетельство тому — около дюжины этюдов и несколько прекрасных картин.

Швейцарии Иван Иванович больше не увидел, найдя источник вдохновения в красотах родных лесов и полей. В 1893 году Шишкин, отвечая на вопрос журналиста "Петербургской газеты" «Каков ваш девиз?», ответил: «Быть русским, вот мой девиз. Да здравствует Россия!»

русские художники в швейцарии

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/culture/legenda-o-shveycarskom-rae-24-ivan-shishkin-ob-aleksandre-kalame-kalyamka-no